

УДК 82.09
ББК 83

С. И. Кормилов

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
XX ВЕКА В РАБОТАХ
Д.П. СВЯТОПОЛК-
МИРСКОГО
ЭМИГРАНТСКОГО
ПЕРИОДА**

Рассмотрены работы критика Д. Святополк-Мирского (D.S. Mirsky), автора уникальной «Истории русской литературы» и статей, в которых отразилось влияние идей «евразийства» без свойственной этому движению религиозной идеи. Говорится о мотивах, побудивших этого аристократа, бывшего офицера, вернуться из эмиграции в Советский Союз, где он через пять лет был репрессирован.

Ключевые слова: *евразийство, Запад, Восток, Россия, современная литература, классик.*

Кормилов Сергей Иванович – докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы XX в. Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Тел.: 8(499)155-96-50

E-mail: profkormilov@mail.ru

Д. П. Святополк-Мирский (1890–1939) – уникальная фигура в русской критике и литературоведении, первый, кто смог в одиночку написать целостную историю литературы своей родной страны, раскрыв ее своеобразие иностранцам, и высказал много проницательных суждений о современной ему литературе (рубежа XIX – XX вв. и 1920-х гг.), угадал великое будущее ее классиков.

Находясь после Гражданской войны в эмиграции, он был близок к идеологам такого умственного движения, как евразийство. «Это были филолог, лингвист и этнограф Н.С. Трубецкой, географ и экономист П.Н. Савицкий, философ и музыковед П.П. Сувчинский, богослов и историк Г.В. Флоровский, историк Г.В. Вернадский, философы Л.П. Карсавин и С.Л. Франк, экономист Н.Н. Алексеев, лингвист Р.О. Якобсон, фольклорист П.Г. Богатырев <...> и др. Все они осмысливали и переживали судьбу России, все были вдохновлены новыми научными идеями, все они под углом своей специальности оценивали путь России, и все они, наконец, продолжали лучшие традиции русской науки, заложенные трудами Д.И. Менделеева («К познанию России»), В.О. Ключевского, В.В. Докучаева, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова и др.», – писал Н.И. Толстой, называя в ряду евразийцев и Святополк-Мирского [Толстой, с. 16]. Однако последний не претендовал на то, чтобы считаться философом, и не был столь ортодоксальным евразийцем, как, например, Н.С. Трубецкой, особенно во второй половине 20-х гг. и тем более в 30-е, когда он попы-

©Кормилов С.И., 2012.

тался стать марксистом и на свою голову вернулся из эмиграции в СССР. К евразийству он примкнул как человек увлекающийся и склонный к максимализму. «Среди примкнувших к евразийству неофитов, кроме Карсавина, были правовед Н.Н. Алексеев, историк Г.В. Вернадский, философ и богослов В.Н. Ильин, востоковед В.П. Никитин, литературовед кн. Д.П. Святополк-Мирский (профессор Университета в Лондоне) и др.

Многие из евразийцев – люди талантливые – умели представить свои взгляды в острой и хлесткой манере» [Бирман, с. 246–247]. Такова и манера Святополк-Мирского как в критических, так и в литературоведческих работах.

Его «История русской литературы», написанная для английского читателя, состоит из двух частей: «История русской литературы с древнейших времен до смерти Достоевского» и «Современная русская литература (1881–1925)». Предисловие ко второй части датировано февралем 1925 г. В нем автор оговаривает, что 1881 г. (это год смерти не только Достоевского, но и царя-реформатора Александра II) «отмечает скорее не начало, а конец: конец классического периода русского реализма. <...> Настоящий новый период, а не отблески старого, начинается только с развитием революционного реализма Горького, а еще отчетливее – с антиреалистическим движением символистов» [Святополк-Мирский, 1992, с. 453] ¹.

Достоевский, озабоченный судьбой России в мире, говоривший в пушкинской речи о «всемирной отзывчивости» русского человека, был для Святополк-Мирского знаковой фигурой задолго до его увлечения евразийством. Еще юношей, в 1907 г., он в присутствии английского литератора М. Беринга «в запальчивости воскликнул: “Через 50 лет мы, русские, будем краснеть от стыда при мысли о том, что мы так глупо поклонялись Толстому, тогда как у нас в то же самое время был такой гений, как Достоевский...”» [Беринг, с. 74–75] ². В статье «Русская литература после 1917 года» (1922) Святополк-Мирский даже писал, что «если определять отца нынешней литературы в целом, это определено Достоевский – почти все современные мыслители и критики жизни были впервые вскормлены Достоевским. Самый оригинальный из них Лев Шестов всю свою жизнь был лишь толкователем и объяснителем Достоевского. Мало кто из русских поэтов и мыслителей не чувствовал бы себя на месте на страницах Достоевского – Блок определенно бы занял свое место между Ставрогиным, Рогожиным и Карамазовыми» [Святополк-Мирский, 1990, с. 128] ³. При этом и современную ему русскую литературу Святополк-Мирский, хорошо осведомленный в западных литературах (он владел семью языками), ставил чрезвычайно высоко, «приходил к выводу, что на современном Западе нет имен, равных А.А. Блоку и А. Белому, В.В. Розанову и Л. Шестову» [Перхин, 1997, с. 206]. В той же статье 1922 г. этот эмигрант, в недавнем прошлом капитан деникинской армии, позволил себе самую большую гиперболу, оценивая революционную поэму «Двенадцать» как вершину «всего бо-

гатства русских выразительных средств и русской музыки слова. Она также является квинтэссенцией всего, что в высшей степени национально. <...> если бы я был поставлен перед выбором между «Двенадцатью» и всей остальной русской литературой, я бы задумался. Баланс довольно равный» [Святополк-Мирский, 1990, с. 130]. Вообще же в труднейшее для России время «дух русской нации оказался сильнее враждебных сил. Русская литература после 1917 года дала урок благородной, терпеливой и мужественной отваги. Она говорит, что человеческий дух величественнее и сильнее, чем все силы грубой материи вместе взятые», – заключает критик уже в общечеловеческом масштабе [Там же, с. 131].

Внимание этого литератора самой широкой специализации к евразийству «упрочилось благодаря его дружеским отношениям с П.П. Сувчинским и Н.С. Трубецким. В евразийском движении Святополк-Мирский увидел проявление «юношеской жизненной силы», свидетельство «жизнеспособности интеллектуальной России <...> несмотря на самые неблагоприятные условия ссылки и диаспоры». Евразийцы ставили вопрос о месте России в современном мире. Н.С. Трубецкой отмечал, что западная цивилизация является всего лишь локальной и ни в чем, за исключением аспектов коммерческого и военного, не превосходит другие цивилизации» [Перхин, 2002, с. 10]⁴. «Русская культура <...> воспринималась евразийцами не как слепок западной культуры, не как ее компонент-“провинция”, а как часть мировой культуры, приносящая целому кругу восточноевропейских и азиатских народов, имеющих с российской культурой “сродство душ”» [Толстой, 1995, с. 6]. Для Святополк-Мирского это отнюдь не означало пренебрежения или предубеждения к Западу. У него «полного единства мнений с Сувчинским, Трубецким и особенно с Савицким не было. Святополк-Мирский оспорил мысль евразийцев о том, что миссия России – возглавить борьбу народов других цивилизаций против тирании Запада. Он был убежден, что осознание национальных задач не должно оборачиваться недоверчивым или враждебным отношением к иностранцу как таковому» [Перхин, 2002, с. 11]. Тем более он не делал акцента на религиозных различиях между народами и вообще на религии – тоже в отличие от ортодоксальных евразийцев⁵ и особенно Н.С. Трубецкого (считавшего, что унаследованные Россией традиции становились русскими, лишь сопрягаясь с православием), хотя у критика в «литературных откликах первой половины 1920-х годов немало пронизательных суждений о религиозном содержании русской поэзии» [Перхин, 2002, с. 10] – стихах Н.С. Гумилева, О.Э. Мандельштама, Андрея Белого, Н.А. Клюева. Религиозная индифферентность потом стала одной из причин сближения князя-Рюриковича с марксизмом. «Расхождения с ортодоксальным евразийством обострились во второй половине 20-х годов, когда Святополк-Мирский вместе с П.П. Сувчинским стал издавать журнал “Версты”, а затем газету “Евразия” при участии Л.П. Карсавина. Основоположники евразийства продолжали настаивать, что база движения – христианство, осуждали марксизм и искали подтверждения бóльшей

близости России к Востоку, чем к Западу. На страницах “Евразии” эти устои подвергались сомнению. <...> Святополк-Мирский <...> считал задачей евразийской периодики “влиять на Сталина”» [Перхин, 1997, с. 207] ⁶. Это было, конечно, наивно⁷, но главное – Святополк-Мирский в течение всех 1920-х гг. не допускал зависимости эстетических оценок от политического аспекта содержания литературных произведений.

Чрезмерное влияние Запада на русскую культуру он тоже отнюдь не приветствовал. В. В. Сорокина не объясняет, почему он написал статью опротопопе Аввакуме, только констатирует: «Кн. Д. Святополк-Мирский сожалеет, что из-за особых условий русской культуры пример Аввакума пропал для современников и ближайшего потомства: “Книжный язык, да еще не московский, а новый, киевский остался победителем и от него пошла традиция Ломоносова, Карамзина, Пушкина. “Натуральная школа” вводила “народный” язык в литературу, но не тот, что Аввакум. Их метод был пассивный – они фотографировали живую речь, оставляя ей те же функции, что и в жизни”. Задачу современного литературоведения автор видит в “открытии дороги Аввакуму”, в признании в нем <...> “образцового писателя”» [Сорокина, с. 56]⁸. Исследовательница даже не употребляет слово «евразийство», а между тем позиция Святополк-Мирского определяется его масштабным евразийским мышлением. Он воспринимает национальную культуру как многовековое единство, берет за образец наследие писателя XVII столетия, старообрядца, не принявшего официального православия, и ценит в этом наследии активное творчески-преобразующее начало, которого не видит в традиции, заложенной в том же XVII в. воспитанниками Киево-Могилянской коллегии (потом академии) начиная с Симеона Полоцкого – носителями латинизированной и полонизированной культуры. Автор «Истории русской литературы» поддержал устремление А.М. Ремизова «“разлатинить”, “расфранцузить” русский литературный язык и восстановить его природную русскость», ремизовское «вливание на язык», параллельное «влианию футуристов, которые тоже занимались лингвистическим творчеством (Хлебников) и делатинизацией языка» [ИРЛ, с. 785, 786].

Образование Святополк-Мирский получил военное и, естественно, востоковедом не был, но когда русские писатели обращались к теме Востока и восточным реалиям, он на это внимание обращал. В статье 1928 г. «Хлебников (ум. 1922)» критик напоминал, «как близок был Хлебников Волге и степи. Он страстно любил лошадей (он говорил о них: “единственное прирученное человеком животное, имя которого не стало ругательством”) <...>. И кажется правильным, что его город была Астрахань, узел России, Турана и Ирана, самый голый и онтологический из Русских городов, караван-сарай, окруженный стихиями – пустыней и водой. Астрахань один из ключей к Хлебникову, и Астрахани посвящен его замечательный посмертный рассказ “Есир” <...>. Как проза Пастернака, проза Хлебникова <...> совершенно свободна от украшений, несколько корява и странно старомодна. В ней есть что-то от Пушкинской эпохи, но тема – конкретно-реалистическая мечта об Индии без романтизма

и с удивительным чувством исторических и пространственных далей. <...> «Есир» – одно из самых удивительных и неожиданных созданий новой русской прозы» [ПР, с. 129]. Чуть позже в статье «Хлебников» (1929) Святополк-Мирский писал, что «Волгу, Астрахань, Каспийское море, степь, Россию, Туран и Сибирь – Хлебников чувствовал глубоко и любил страстно, – географически он был прирожденным евразийцем; добавим еще, что он упорно избегал европейских слов и охотно пользовался восточными. <...> Особняком стоит «Труба Гуль-Муллы», своеобразная эпическая запись о пребывании Хлебникова в Персии в 1921 году <...>» [ПР, с. 147–148]. В «Истории русской литературы» об основателе русского футуризма сказано: «Его Россия это Россия, свободная от всей шелухи христианской и европейской цивилизации, Россия, которую «доскребли – до татар»» [ИРЛ, с. 767]. В связи с темой Евразии Святополк-Мирский не преминул отметить и не столь значительную фигуру: «Самый видный из «пильняковцев» – Н. Огнев; его повести о революции (Евразия и Суд республики) воспроизводят манеру Пильняка с несколько большей логичностью и вводят более крепкий костяк в повествование» [ИРЛ, с. 814].

У Ремизова отмечается не только «русскость», как она ни привлекательна для Святополк-Мирского. «Большинство ремизовских легенд взято из древнеславянских текстов, канонических или апокрифических, <...> в конечном счете византийского происхождения, – пишет он и тут же добавляет: – Но он не избегает и других источников. Некоторые его легенды идут с Запада. Недавно он предпринял обработку фольклора разных примитивных народов и уже опубликовал кавказские, сибирские, тибетские и кабилские народные сказки в собственной редакции» [ИРЛ, с. 791]. Оценки нет, но если что критику не нравилось, он высказывался без обиняков. Так, в статье 1934 г. «Замысел и выполнение», опубликованной «Литературной газетой» 24 июля, уже не князь Д.П. Святополк-Мирский, а просто Д. Мирский писал о неоконченном романе «Последний из удэге», что его автор «Фадеев не умеет “мыслить на языке своего искусства в большом историческом масштабе”». Он неудачно выбрал материал для показа родового строя. У него не получилось «органического художественного соединения своих наблюдений с известным из книг». “Из книг, – пояснял критик, – Фадеев усвоил прочнее всего едва ли не романы Фенимора Купера о краснокожих индейцах. Из Купера взято не только заглавие книги, но и ее главный удэгейский герой. И Фадеев не умеет объединить в одну художественную концепцию свои личные, довольно поверхностные, наблюдения с цитатами из Энгельса о “нравственной высоте” доклассового человека» [Перхин, 1997, с. 213].

В «Истории русской литературы» говорится, что одной из наиболее заметных поэтесс после Ахматовой была «Мариэтта Шагинян (р. 1888), армянка из Ростова, чья книжка *Orientalia*, имевшая большой успех (1-е изд. 1912) <,> стремилась к «библейской» силе чувств и восточной смелости красок», а у Ильи Сельвинского «особенно замечательны его

цыганские песни, которые умудряются передавать с помощью расстановки слов и акцентов ритм хорового пения» [ИРЛ, с. 759, 780]. Среди прозаиков отмечен Л.М. Леонов, у которого большая часть первых рассказов «выдержана в ортодоксально-ремизовской сказовой манере, где внимание читателя привлекается в первую очередь к орнаментальной фактуре стиля». Вместе с тем критик провозглашает его «выдающуюся литературную одаренность в произведениях, очень отличающихся друг от друга по стилю» (в 1920-е гг. слишком большие надежды на Леонова возлагал Г.В. Адамович; так, в статье 1928 г. «“Вор” Л. Леонова» он заявлял: «На мой взгляд, это – лучшее, что дала нам до сих пор “советская” литература, и, признаюсь, мне даже неловко здесь, в этом случае, писать “советская”: нет ничего в романе Леонова, что мешало бы его назвать просто русской книгой. Некоторые страницы этой книги не то что хороши – они поразительны по глубине, прелести, силе. Никто из молодых русских авторов не был бы способен написать их. Бабель? Булгаков? Всеволод Иванов? Тихонов? Нет, все это гораздо слабее» [Адамович, с. 129–130]). «Особо от прочих его вещей, – продолжал Святополк-Мирский, – стоит Туатамур (1924), оригинальнейшая поэма в прозе, написанная от лица одного из чингиз-хановых военачальников и рассказывающая о поражении русских при Калке (1224) с точки зрения монголов-победителей. Написана она с великолепной энергией и крепостью стиля и пересыпана тюркскими словами и оборотами. Она дышит дикой, жестокой поэзией кочевых степей. Это одно из самых оригинальных явлений новой русской прозы» [ИРЛ, с. 814, 815]⁹.

В 20-е гг. большие надежды подавал также Н.С. Тихонов. Рецензируя его сборник 1928 г. «Поэмы» в статье «Николай Тихонов» (1929), Святополк-Мирский писал: «Лучшей поэмой в книжке представляется “Красные на Араксе”. Тема поэмы политическая – налеты курдов на советские пограничные посты и призыв к “старой Азии” бросить бесплодную боязнь и вражду и стереть границу Аракса. <...> Поэма замечательна по блеску, разнообразию и органичности своего ритмического строения» [ПР, с. 142]. Тихонов-прозаик, выпустивший книгу рассказов «Рискованный человек» (1927), оценивается двойственно: «Все рассказы, вошедшие в его книгу, кроме одного, написаны о советском или присоветском Востоке – Баку, Армения, Туркменистан, Бухара, Дарваз, Персия. На основании одних этих рассказов Тихонова пришлось бы признать едва ли не самым блестящим современным рассказчиком, но не более. Великолепная повествовательная манера, полная свобода от экзотического шаблона и в то же время яркость местных красок делает эти рассказы идеалом легкого чтения самого высокого качества. Но большой значительности в них нет. Это «улучшенные анекдоты». Но длинный рассказ, давший свое название всей книге, «Рискованный человек», совершенно другого качества» [ПР, с. 144]¹⁰.

И в поэзии, посвященной Востоку, Святополк-Мирскому не все нравилось. В статье 1926 г. «Есенин» он придирчиво заявлял, что «вообще стихи его последних лет (например, “Персидские мотивы”) свидетель-

ствуют о явном упадке его поэтической силы», а в советский период («Стихи 1934 года. Статья первая») относительную неудачу Н.Н. Асеева в поэтических описаниях Кавказа связывал с лирическим характером его дарования: «В “Смерти Оксмана” нет конкретного Кавказа, нет Северной Осетии или Кабарды, а есть какой-то Кавказ вообще. Асеев пытается мотивировать этот обобщенный подход к Кавказу братством советских народов Кавказа, но братства не получается, так как отдельные народы даны не конкретно, не как национальные индивидуальности, а только как разновидности какой-то общекавказской сущности. Асеев полемизирует с Пастернаком, “описавшим красоты” Кавказа. Но в асеевском Кавказе “красот” не меньше, чем у Пастернака, и по-своему очень хороших» [ПР, с. 119, 178].

Разумеется, живя в Англии, критик много думал о популяризации русской литературы на Западе. Он видел в этом острую необходимость: «<...> боюсь, что англосаксонский интеллеktуал (ведь на самом деле русской литературой интересуются только интеллеktуалы) найдет некоторые мои оценки в высшей степени странными. Английские и американские интеллеktуалы в своих оценках русских писателей отстали лет на двадцать, – да и двадцать лет назад с некоторыми их суждениями согласились бы только не слишком образованные люди. В России большое значение, которое я придаю Лескову, Леонтьеву, Розанову, символистам (главным образом Белому, а не Бальмонту) и Ремизову, стало общим местом, тут я не оригинален» [ИРЛ, с. 456]. В англоязычной статье «Русская литература после 1917 года» (1922) Святополк-Мирский утверждал: «Как правило, многое, что является жизненно важным и интересным в современной русской литературе, остается совершенно неизвестным за границей (может быть, за исключением Германии, которая быстро становится культурной провинцией России). Мережковский и Горький для иностранца все еще являются *dernier cri*¹¹ русской литературы. Для нас они далекое прошлое <...>. Сейчас оба, Горький и Мережковский, ни в коей мере не являются незначительными авторами, оба они сохраняют свое место среди второстепенной классики – Горький благодаря таким мощным произведениям, как “Фома Гордеев” <,> и некоторым ранним рассказам; Мережковский благодаря такому шедеврy критики, как “Толстой и Достоевский”. Но для живой литературы они почти мертвы» [Святополк-Мирский, 1990, с. 128]. В этой статье «вечно молодой» Толстой оценивается рядом с Достоевским, который раньше был для Святополк-Мирского вне конкуренции. Низкая оценка современного Горького обусловлена тем, что с 1916 по 1922 г. он писал только публицистику, но не художественные произведения. Да и приумолкнувший было Мережковский впоследствии выступал соперником Бунина в борьбе за Нобелевскую премию. Германия, конечно, не стала «культурной провинцией России» (Святополк-Мирский и в своем патриотизме склонен к гиперболам), но в ранний, «берлинский период <...> западноевропейская литература сыграла важную “дипломатическую” роль в установлении связи эмиграции с иной культурной средой. <...>

Неоспорим вклад русского Берлина в установление тесной связи западноевропейской литературной традиции с русской <...> [Сорокина, с 228, 229].

Чтобы быть понятнее иностранцам, Святополк-Мирский часто проводит параллели между русскими и западноевропейскими писателями. Например, в «Русской литературе после 1917 года»: «Блок принадлежал другому времени, – времени, когда более великая раса поэтов ходила по земле, – брат Шелли, Шиллера, Байрона, Кольриджа, Гейне. <...> Самое подходящее сравнение было бы, вероятно, с Гейне. Но у Блока было мало остроумия Гейне и совсем не было его сентиментальности; с другой стороны, он обладал гораздо более мощным песенным талантом и был гораздо более милосердным и чистым гением отчаяния. Представьте трагически бесстыдный пессимизм “Кандиды”, облеченный в обильное ритмическое богатство “Кубла-хана”, и вы получите очень искаженное представление о наиболее характерных частях третьего тома Блока» [Святополк-Мирский, 1990, с. 129]. К сравнению Блока с Г. Гейне дополнительно привлечено сопоставление третьего тома его лирической «трилогии вочеловечения» со стихотворением поэта XVII в. Т. Кинго и поэмой С.Т. Кольриджа [Святополк-Мирский, 1990, с. 132]. По словам Святополк-Мирского, Н. С. Гумилев был расстрелян, «когда он был на грани превращения из романтика, подобного Теофилю Готье, в настоящего значительного поэта с мужественной силой» [Святополк-Мирский, 1990, с. 130]. И.А. Бунин – это «русский Флобер в миниатюре, но, несмотря на все его совершенства и силу его рассказов (лучший из них “Господин из Сан-Франциско” недавно перевели на французский язык), он окружает их такой толстой стеной сдержанности и (пожалуй, я скажу) скуки, что возможные достоинства, скрывающиеся за этой стеной, вряд ли соблазнят читателя прорываться сквозь нее» [Святополк-Мирский, 1990, с. 128]. В. В. Перхин комментирует: «Данная оценка И. Бунина во многом объясняется неверием критика в способность писателей старшего поколения, оказавшихся в эмиграции, сказать новое слово в литературе. Отношение изменилось после появления “Жизни Арсеньева”» [Святополк-Мирский, 1990, с. 132]. Но дело также в ориентации Святополк-Мирского на западного читателя, привыкшего к действительному повествованию, «хорошо построенному» сюжету. Русская литература сильна не сюжетностью (часто важнейшее содержание выражается в незначительных сюжетах, некоторые классические произведения остались незаконченными), а психологизмом, философичностью, «учительством». Однако в активные 1920-е гг. многие русские писатели и критики призывали к повышению сюжетной действенности произведений. Святополк-Мирский, в частности, сообщал адресатам «Истории русской литературы»: «Влияние Шкловского шло в направлении переноса внимания с меньших узлов на более крупные, со стиля на конструкцию. Сейчас это называют “западной” тенденцией прозы, в отличие от “восточной” тенденции к избыточно орнаментальному письму. <...> Бесспорно, русскому читателю надоела орнаментальная проза с ее

гипертрофией стиля и отсутствием повествовательного элемента; она жаждет, больше чем когда <-> либо, настоящего “западного” сюжетного повествования. <...> Литературный роман “западного” типа в России еще предстоит создать. Ближе всех к этому подошел Эренбург» [ИРЛ, с. 808, 809].

Максималист Святополк-Мирский сочетал восторженные оценки с очень строгими и порой насмешливыми. «Второстепенными классиками» он объявил не только Горького, но и Мережковского. На раздачу современникам титулов «классик» и «величайший писатель» он был щедр как никто, но обычно угадывал [Кормилов, с. 141–142, 144–146, 149–150]. В 1922 г. задолго до других критиков объявил, что «Маяковский уже есть классик» («О современном состоянии русской поэзии»; правда, опубликована статья лишь в 1978 г.), в 1921 – что Ахматова «значительно превосходит всех поэтов моложе Блока» («Русское письмо. Современные течения в поэзии. Поэзия и политика»); в 1922-м добавил, что второй золотой век русской поэзии, начавшийся в 1906 г. (первый отнесен к 1822–1841 гг.) «с первыми зрелыми стихами Александра Блока», продолжается «и будет продолжаться по крайней мере до тех пор, пока живы Андрей Белый и Анна Ахматова» («Поэзия в советской России»), в 1923-м в рецензии на три книги стихов Ахматовой – что «огромная часть ее “Anno Domini” написана в благородном и одновременно строгом стиле», который «очень напоминает поздние произведения Пушкина и сонеты Мильтона», и что «она действительно является национальным классиком» [ПР, 68, 36, 53, 57]. Но вскоре поэтический голос Ахматовой надолго замолчал, и оперативный критик быстро определил новых лидеров поэзии. В 1926 г. в рецензии на сказку М. И. Цветаевой «Молодец» (1924) он провозгласил: «Среди поэтов послереволюционных ей принадлежит или первое, или одно из двух первых мест: единственный возможный ее соперник – Борис Пастернак – поэт совершенно иного, чем она, склада». Их, а также Гумилева объединяет «мажорность, бодрая живучесть, “приятие” жизни и мира» [ПР, с. 110], но «Пастернак зритель и веществен. <...> Слова его стремятся изображать, передавать, обнимать вещи. <...> Он “наивный реалист”. Марина Цветаева – “идеалистка” <...>. Вещественный мир для нее – только эманация “сущностей”. <...> Самая зрительность ее, такая яркая и убедительная (особенно в ее прозе), как бы бестелесна» [ПР, с. 111].

Вместе с тем и В.В. Хлебников, говорится в большом аналитическом некрологе «Валерий Яковлевич Брюсов» (1924), хотя «умер почти тем же, чем был, посмешищем и монстром, но зато и эзотерическим вождем и учителем самого молодого, самого энергичного, самого напористого из поэтических движений, – тайным классиком непосредственного будущего» [ПР, с. 85]¹². О Брюсове же, который после книги «Все напевы» (1909) «становится собственным эпигоном и клонится к упадку», сказано: «Великим поэтом он не был, но поэтом был» и «останется в истории прежде всего как передовой борец за возрождение в России эстетической культуры и за возвращение поэзии принадлежащего ей по праву

места» [ПР, с. 93, 96]. Не обязательно лучшие поэты играют ключевую роль в истории литературы. «Конечно, Сологуб неизмеримо более значительный поэт, чем Бальмонт или Брюсов, но его песнь была бы (и была) бесплодна потому, что не ставила вопросов поэтики в острой форме. <...> Да и сам Сологуб (как и другие старшие – Анненский и Вяч. Иванов) стал как следует на ноги только после того, как черная революционная работа была сделана Бальмонтом и Брюсовым. Только те художники двигают искусство вперед, которые умеют хлестко ударить по привычкам читательской косности, ибо только они подлинные освободители вкуса» [ПР, с. 90]. Освобожденный вкус воспринимается как новый западный: «В деле возвращения нам Европы Брюсову, вместе с Мережковским, принадлежит первое место» [ПР, с. 86]. Но темы в некрологе упомянуты не только западные. «Понимал он, вероятно, что тема его кончилась, что он оскудел содержанием, и одно время собирался, по-видимому, <...> искать силы на путях имитации – стилизации. <...> Сюда принадлежит ряд стилизаций – австралийских, малайских и разных других песен <...>» [ПР, с. 93–94].

Не только Брюсова – даже Есенина князь-интеллигент не оценивал по высшему баллу («Есенин», 1926): «Есенин не великий поэт, не Блок, не Анненский, не Пастернак. В любви к нему есть всегда сознание равенства, соизмеримости с ним, полной допонятости. Он “один из нас”». Вместе с тем потому-то в определенном отношении ему все же принадлежит первое место: «Есенин сейчас самый любимый из новых русских поэтов. <...> Любовь к Есенину замешана на жалости и сострадании, на полном понимании и сочувствии. Его любят нежней и ласковей, более по-человечески, чем обыкновенно любят поэтов, – слишком боже-ственных для человеческого к ним отношения» [ПР, с. 117]¹³.

Иногда Святополк-Мирский называл классическими отдельные произведения авторов, которых классиками не считал. Про М.А. Волошина в статье «О современном состоянии русской поэзии» (написана в 1922 г.) говорится: «“Святая Русь” уже стала классической, и, действительно, она имеет законченность произведения классического» [ПР, с. 65]. В статье «Литература в России большевиков» критик писал о «Дневнике» Гиппиус периода Гражданской войны: «Это работа борца... полна гнева и негодования. Она написана с сердечной болью... Дневник, возможно, станет классикой» (The London Mercury. 1922. № 27. P. 287)» [ПР, с. 247].

С другой стороны, Святополк-Мирский не церемонился с авторами, у которых видел немалые достоинства. Статью про ту же сочинительницу «классического» «Дневника» «Зинаида Гиппиус», которую считал юбилейной (1928), он начал словами: «Моральная дальтонистка, лишенная способности непосредственного узнавания и различения добра и зла, она, на свою беду, одарена сильными этическими эмоциями, только некстати приуроченными. Отсюда вся неудачность и нелепость ее нынешней позиции – беспощадного судьи, не умеющего читать в законе» [ПР, с. 125]. Это довольно точная характеристика как поэзии, так и статей

З.Н. Гиппиус, которые она подписывала «говорящим» мужским псевдонимом Антон Крайний. Вот какую аттестацию получил А.Н. Толстой: «Самая выдающаяся черта личности А. Н. Толстого – удивительное сочетание огромных природных дарований с полным отсутствием мозгов» [ИРЛ, с. 794]. При чрезвычайно высокой оценке художественного творчества Андрея Белого и его роли в литературном процессе Святополк-Мирский оценивает Белого-критика неоднозначно: «Критические его статьи, как и почти все, что он писал, полны вспышек гениальности и удивительных интуитивных прозрений. Но он соединяет ярко выраженную метафизическую тенденцию с таким путаным, истерическим стилем, без малейшей сдержанности, а иной раз и без малейшей логики, что в литературном отношении его статьи <...>, не считая частых вспышек прозрения, слишком субъективны, слишком личностны, из-за чего имеют только относительную ценность» [ИРЛ, с. 834].

В течение всего своего евразийского периода Святополк-Мирский «рассматривал русскую литературу – и на Родине, и в зарубежье – как единую» [Перхин, 2002, с. 9]. Пятилетний советский период литературно-критической деятельности стал для него в основном временем падения. Например, во время дискуссии «Социалистический реализм и исторический роман» (1934) он выступал в совершенно официальном духе: «Настоящий советский исторический роман, конечно, должен быть социалистическо-реалистическим романом. А социалистический реализм, конечно, предполагает историзм, предполагает понимание истории в современном смысле, то есть с точки зрения научного коммунизма, с точки зрения пролетарской» [Мирский, 1934, с. 223]. Здесь нет понятия о специфически художественном историзме, литература ставится в прямую зависимость от марксистской идеологии.

В 1937 г. Дмитрия Петровича арестовали и затем препроводили из европейской части СССР подальше в азиатскую¹⁴. В колымском лагере он пересмотрел свои коммунистические заблуждения. Но вернуться оттуда ему не было суждено.

Примечания

¹ Далее ссылки на это издание даются с обозначением ИРЛ.

² В 1907 г. Л. Н. Толстой был еще жив (а живые почти всегда ценятся меньше, чем тот, кто уже все сказал) и воспринимался больше как тенденциозный «учитель жизни», чем как писатель-художник.

³ Достоевскому был посвящен и ряд позднейших статей Н. С. Трубецкого [Трубецкой, с. 617–725].

⁴ В. В. Перхин цитирует в своем переводе статью Святополк-Мирского [S. Mirsky, 1923, p. 198].

⁵ «Евразийцам импонировала мысль Достоевского, что Православие и есть “наш русский социализм”» [Половинкин, с. 750].

⁶ В «Автобиографии (1936)» критик писал: «В 1928-29 годах я участвовал в журнале “Евразия” – органе левой группы евразийцев, которому я пытался своими статьями придать еще более “левый” характер» [Святополк-Мирский, 2002, с. 267. Далее страницы этого издания указываются в тексте с обозначением ПР]. В. В. Перхин комментирует: «“Евразия” была газетой-еженедельником

по вопросам культуры и политики. В редакционный коллектив входили 8 человек, в том числе <...> Карсавин, Сувчинский, Эфрон. Газета имела девизы: 1) “Кто хочет быть субъектом истории, тот должен быть с Россией”; 2) “Россия нашего времени вершит судьбы Европы и Азии. Она – шестая часть света. Евразия – узел и начало новой мировой культуры”» [ПР, с. 271]. В числе авторов газеты «были ведущие евразийцы: Н. С. Трубецкой, Л. П. Карсавин, Н. Н. Алексеев, В. П. Никитин. Но наряду с ними в газете появилось много молодежи, которая придерживалась пробольшевистской ориентации и старалась увязать идеи Маркса с учением Н. Ф. Федорова. Одиозной и трагической фигурой в этой компании был С. Я. Эфрон. Ему – агенту ГПУ – после организации нескольких политических убийств и похищений удалось вернуться в СССР, где он был арестован и вскоре расстрелян» [Половинкин, с. 761]. Святополк-Мирский был близок к Эфрону и его жене М. И. Цветаевой, но их отношения оставались сугубо личными.

⁷ «На какие слои в СССР рассчитывали евразийцы? Прежде всего – это русский народ, в исконных чаяниях которого скрыта огромная потенциальная сила возможных преобразований. <...> Активным преобразователем большевистской России в евразийском направлении способен стать «новый правящий слой». Пропаганда евразийцев была предназначена прежде всего для «выдвиженцев» в советском и профсоюзном аппарате, в РККА. Этому новому активному поколению во время революции было 12–15 лет, и его не коснулся яд 1917 г. У этого поколения отсутствует революционный пафос, но нет и привязанности к дореволюционным идеям» [Половинкин, с. 755]. Однако Святополк-Мирский искренне стремился принять марксизм и большевизм.

⁸ В.В. Сорокина цитирует статью «О Московской литературе и протопопе Аввакуме» [Святополк-Мирский, 1925, с. 348].

⁹ Тюркские слова и обороты у Л. Леонова – анахронизм. Монголы заговорили по-тюркски, когда осели в Золотой Орде и смешались с местным населением – кыпчаками.

¹⁰ «В статье “Проза поэтов” Святополк-Мирский писал: «“Раскованный человек” Тихонова – современная, вполне удавшаяся транспозиция в рассказ лирически значительной темы» (Евразия. 1929. 24 августа. С. 7)» [ПР, с. 328–329].

¹¹ Последний крик (фр.).

¹² В ранней статье «Русское письмо. Символисты» (1921) даже про утонувшего в 23 года Ивана Коневского, повлиявшего на Брюсова, говорилось: «Он один из классиков русской поэзии, известный лишь посвященным, и, кажется, он еще много раз станет *vade mesum* (путеводителем. – С. К.) поэтов» [ПР, с. 29]. Прогноз не оправдался.

¹³ «Полная» понятность поэзии Есенина – преувеличение. Но исключительная массовая любовь к нему даже в конце 1990-х гг. подтверждалась опросом Всероссийского центра изучения общественного мнения. «Назвавшие среди своих любимых поэтов имя Высоцкого составили один процент опрошенных. Столько же высказалось за В. Маяковского, Б. Пастернака, А. Фета. Наибольшей популярностью у россиян пользуются С. Есенин (13 процентов) и А. Пушкин (16 процентов)» [Хроника – 1999, с. 665].

¹⁴ «“Большевизанствующие” евразийцы горько и дорого заплатили за свою доверчивость: иные – расстрелом или исчезновением в СССР без вести, иные, как Д. П. Святополк-Мирский и Л.П. Карсавин, – смертью в лагере, и лишь

П. Н. Савицкий, дождавшийся оттепели 60-х годов, вернулся из лагеря в Прагу и там скончался, преследуемый властями до конца жизни» [Толстой, с. 24].

Литература

Адамович Г. «Вор» Л. Леонова // *Адамович Георгий*. Критическая проза. М., 1996.

Беринг М. Вехи русской литературы. М., 1913.

Бирман М. П. М. Бицилли и евразийцы в 1922–1927 гг. (очерки и фрагменты) // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): сб. статей и материалов. М., 2010.

Кормилов С. И. Эволюция представлений о классиках русской литературы XX столетия // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2004. № 6.

Мирский Д. За художника-историка // Октябрь. 1934. Кн. 7.

Перхин В. В. Русская литературная критика 1930-х годов. Критика и общественное сознание эпохи. СПб., 1997.

Перхин В. В. Русская поэзия в оценке Д. П. Святополк-Мирского // *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: Статьи. Рецензии. Портреты. Некрологи. СПб., 2002.

Половинкин С. М. Евразийство и русская эмиграция // *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. М., 1995.

Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Руфь Зернова. London, 1992.

Святополк-Мирский Д. П. Литературно-критические статьи (вступительная статья и примечания В. В. Перхина) // Русская литература. 1990. № 4.

Святополк-Мирский Д., кн. О Московской литературе и протопопе Аввакуме // Евразийский временник. 1925. Кн. 4.

Святополк-Мирский Д. П. Поэты и Россия: Статьи. Рецензии. Портреты. Некрологи. СПб., 2002.

Сорокина В. В. Литературная критика русского Берлина 20-х годов XX века. М., 2010.

Толстой Н. И. Н. С. Трубецкой и евразийство // *Трубецкой Н. С.* История. Культура. Язык. М., 1995.

Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995.

Хроника – 1999 // Мир Высоцкого: исследования и материалы. Вып. IV. М., 2000.

S. Mirsky D. Russian Post-Revolutionary Nationalism // The Kontemporary Review. 1923. № 692.